<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-4-24-30>
УДК 947.084.8

Константинова А.Г.

1990-Е ГОДЫ В ИСТОРИИ ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНАЛИТИКИ ТРАВМЫ (TRAUMA STUDIES): К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Константинова Альфия Гумаровна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр политической
и социокультурной истории, Институт истории и археологии Уральско-
го отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия; доцент,
Технологический институт (филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследова-
тельский ядерный университет «МИФИ»), Лесной, Россия,
e-mail: alfjasharafullina@rambler.ru,
тел.: +7 (908) 630 72 63

Аннотация

В статье рассмотрена категория травмы как специфический объект междисциплинарного исследования, обозначены признаки исторической травмы. Под исторической травмой в работе понимается сохраненная память поколений о социальных потрясениях, о событиях, нарушивших привычное течение жизни и преобразовавших систему базовых ценностей. Научные задачи исследования предполагали анализ того, насколько события, имевшие место на территории закрытых административно-территориальных образований атомной промышленности в 1990-е годы, могут быть охарактеризованы как историческая травма. Следствием общероссийской скоротечной трансформационной динамики стало то, что в детерминированной, искусственно созданной среде закрытых городов слом привычного образа жизни происходил болезненнее, чем в значительной части открытых городов. Характеристики периода со стороны населения атомградов часто сопровождались темами физического и бытового выживания, социальной напряженности. Произошедшие события могут быть описаны как представляющие историческую значимость и имеющие в коллективном сознании смыслы травмы. На этом основании автор делает вывод о том, что изучение постсоветской истории закрытых административно-территориальных образований атомной промышленности сквозь призму исследования травмы открывает новые перспективы в понимании их развития.

Ключевые слова: закрытые города, закрытое административно-территориальное образование, исследования травмы, историческая травма, значимые события, травматическое прошлое, атомная промышленность

Для цитирования: Константинова А.Г. 1990-е годы в истории закрытых административно-территориальных образований атомной промышленности сквозь призму аналитики травмы (trauma studies): к постановке проблемы // Вестник Майкопского

государственного технологического университета. 2021. Том 13, № 4. С. 24-30. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-4-24-30>.

Konstantinova A.G.

1990S IN THE HISTORY OF CLOSED ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL ENTITIES IN THE NUCLEAR INDUSTRY THROUGH THE PRISM OF TRAUMA STUDIES: PROBLEM STATEMENT

Konstantinova Alfiya Gumarovna,

Candidate of History, a Researcher, Center for Political and Sociocultural History, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; an Associate Professor, Technological Institute (a branch of the FSAEI HE "The National Research Nuclear University" MEPhI), Lesnoy, Russia,

e-mail: alfijasharafullina@rambler.ru,

tel.: +7 (908) 630 72 63

Annotation

The article considers the category of trauma as a specific object of interdisciplinary research, and identifies the signs of historical trauma. Historical trauma is understood as the preserved memory of generations about social upheavals and events that disrupted the usual course of life and transformed the system of basic values. The scientific objectives of the research involved analysis of the events that took place on the territory of the closed administrative and territorial formations of the nuclear industry in the 1990s and can be characterized as a historical trauma.

The breakdown of the usual way of life in the determined, artificially created environment of closed cities which was more painful than in a significant part of open cities became the consequence of the all-Russian transient transformational dynamics. The characteristics of the period on the part of the population of atomic cities were often accompanied by themes of physical and domestic survival and social tension. The events that have taken the meanings of trauma place can be described as representing historical significance and having in the collective consciousness. On this basis, the author has concluded that the study of the post-Soviet history of closed administrative-territorial formations of the nuclear industry through the prism of trauma research opens up new perspectives in understanding their development.

Keywords: closed cities, closed administrative-territorial unit, trauma studies, historical trauma, significant events, traumatic past, nuclear industry

For citation: Konstantinova A.G. 1990s in the history of closed administrative and territorial entities in the nuclear industry through the prism of trauma studies: problem statement // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2021. Volume 13, No. 4. P. 24-30. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-4-24-30>.

Полемика о травматическом опыте как предмете социального анализа вообще и исторической травме в частности имеет весьма длительную и непростую

историю [краткий обзор исследований по теме см.: 7; 12; 15; 16]. В статье «Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России» авторы

обозначили важный для отечественных исследователей вопрос о том, насколько аналитика травмы в ее американском варианте продуктивна применительно к российскому/советскому прошлому. По мнению И.И. Кобылина и Ф.В. Николаи, «переосмысление памяти ... о советском прошлом и кризисе 1990-х годов нуждается в самостоятельных решениях, а также в активном и открытом диалоге с самыми разными течениями гуманитарной мысли, начиная с теории практик и «аффективного поворота» и заканчивая «старой доброй» критической теорией» [10, с. 116].

С.А. Ушакин в предисловии к сборнику «Травма: пункты» обозначил два принципиальных подхода к пониманию травмы. Травма может выступать и как однократное событие, которое резко изменило жизнь сообщества, и как «процесс, который продолжает оказывать воздействие на отношение людей к своему прошлому и на их восприятие своего настоящего и будущего» [12, с. 7]. Исходя из двух таких возможностей, изучение травмы в рамках гуманитарных и общественных наук может строиться из понимания травмы как опыта утраты («травма-как-утрата»), как символической матрицы («травма-как-сюжет») или как консолидирующего события. В первом случае «утрата становится причиной переоценки уже несуществующего «целого», а «сама картина «целостности» возникает лишь впоследствии – в процессе осмысления утраты» [12, с. 9]. Также травму можно рассматривать как сюжет, как то, что определяет общую систему повествовательных координат. Наконец под травмой можно понимать консолидирующее, объединяющее, скрепляющее сообщество событие.

В понятии «историческая травма» можно выделить три основных составляющих: разрушение, слом привычного образа жизни; разделение травматического опыта группой людей; охват нескольких

поколений (последствия пережитой травмы не ограничиваются одним поколением, а влияют на жизнь потомков, не являвшихся участниками травмирующих событий) [16]. Следовательно, историческая травма – это сохраненная память поколений о социальных потрясениях, о событиях, нарушивших привычное течение жизни и преобразовавших систему базовых ценностей.

Распад СССР однозначно можно рассматривать как сюжет, имеющий в коллективном сознании смысл травмы. Так, в исследовании В.А. Барановой и А.И. Донцова, наряду с революцией 1917 г. и Великой Отечественной войной, распад СССР представлен как событие, составляющее содержание важнейших поколенческих воспоминаний о России XX века, репрезентированное в групповом сознании и процессах постпамяти и отвечающее характеристикам травмы [2, с. 33–34].

Для жителей закрытых атомных городов¹ рубеж 1980-х – 1990-х годов – не просто черта, отделяющая «время, где было хорошо, от времени, когда стало плохо, как в эмоциональном плане, так и в плане изменения ценностей» [2, с. 38]. Это время потери жителями закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) атомной промышленности высокого социального статуса и большинства своих привилегий, приобретенных в советский период. Следовательно, здесь четко проявился тот слом привычного для общности жителей

¹ Понятие «закрытый атомный город» включает в себя две основные характеристики таких административно-территориальных единиц – закрытость и принадлежность к ядерному оружейному комплексу. В современной России насчитывается десять населенных пунктов, созданных в целях обеспечения функционирования объектов Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и имеющих статус «закрытого административно-территориального образования»: Железногорск, Заречный, Зеленогорск, Лесной, Новоуральск, Озерск, Саров, Северск, Снежинск и Трехгорный.

атомградов, который был обозначен нами ранее в качестве характеристики исторической травмы.

Следствием скоротечной трансформационной динамики начала 1990-х годов стало то, что в детерминированной, искусственно созданной среде закрытых городов качество жизни падало более быстрыми темпами, чем в значительной части открытых городов. Еще с конца 1980-х годов из-за изменений на международной арене и комплекса внутренних проблем внимание руководства страны к ядерному оружейному комплексу ослабло, что негативно сказалось на развитии градообразующих предприятий атомных ЗАТО. Формирующийся внутренний рынок был невосприимчив к инновационным разработкам, а поспешно объявленная конверсия производства приводила к дальнейшей дестабилизации обстановки [3].

Указанные выше причины привели к резкому ухудшению ситуации на рынке труда атомградов. Уровень зарегистрированной безработицы на их территории, отличавшийся ранее крайне низкими значениями, к началу 1996 г. соответствовал среднероссийским показателям [11, с. 14]. Например, в Озерске в начале 1992 г. 0,05% экономически активного населения города был присвоен статус «безработный», в 1996 г. – 3,6% (в целом по стране в начале 1992 г. зарегистрированная безработица составила 0,1% экономически активного населения, достигнув в 1996 г. 3,7%) [8, л. 8; 9, л. 84].

Несколько улучшить социально-экономическую ситуацию на территории ЗАТО могло бы развитие частного предпринимательства. Однако этот процесс сдерживался не только режимными условиями, но и особенностями социальной среды. Ориентация на стабильную работу в условиях градообразующего государственного предприятия была и до сих пор остается жизненной установкой для большинства жителей. В.А. Ковригина

считает, что предпринимательская деятельность, предполагающая наличие рисков и проявление инициативы, никогда не поощрялась в условиях разнонаправленности векторов госпредприятий и бизнеса. Исследователь отмечает, что даже в период сокращения бюджетного финансирования на территории ЗАТО не наблюдалось резкого увеличения количества частных предпринимателей [4, с. 232–233]. Обратной стороной десятилетий доминирования градообразующего предприятия в жизни закрытых городов становилась пассивность части населения, ожидавшего решения социально-экономических проблем государством либо предприятием.

Страна нищала и разрушалась повсеместно, однако, редко где последствия экономических реформ и социально-политических трансформаций конца 1980-х – начала 90-х годов были столь катастрофичными, как в ЗАТО атомной промышленности, бывших островках благополучия. В истории каждого из атомградов найдется немало сюжетов, иллюстрирующих атмосферу безысходности. Можно вспомнить, например, трагический инцидент в Снежинске, когда в октябре 1996 г. директор Всероссийского научно-исследовательского института технической физики (РФЯЦ-ВНИИТФ), доктор физико-математических наук В.З. Нечай совершил самоубийство. Коллеги связывали суицид Владимира Зиновьевича с тяжелейшей экономической ситуацией, в которой находился федеральный ядерный центр [1].

Характеристики рассматриваемого периода часто сопровождались темами физического и бытового выживания. «Мне просто надоела такая жизнь», «Мы живем как нищие, поэтому я пошел бы куда угодно, лишь бы за мою работу платили», «Даже если я не уеду за границу навсегда, хотел бы поработать там какое-то время, так как здесь я скоро протяну ноги» – такие ответы жителей

Заречного, Сарова, Северска, Снежинска и Трехгорного были получены в 1999 г. в результате опроса о возможном переезде за границу [17, с. 59].

Знакомство с опубликованными воспоминаниями жителей ЗАТО атомной промышленности позволяет сделать вывод о том, что рефлексия периода 1990-х годов имеет посттравматический характер переживаний. Рассказы об этом времени пронизаны темами социальной напряженности, невыплаты зарплат, проблем с государственным оборонным заказом (ГОЗ). Прослеживается явный негативный спектр в оценке рассматриваемого периода. В частности, В.М. Цивилин (в 1993–2008 гг. главный инженер Комбината «Электрохимприбор» – градообразующего предприятия г. Лесного) вспоминает: «Это был сложный период: правительство не обеспечивало финансирования ГОЗ в необходимых объемах за выполненные работы. Хроническими стали несвоевременные выплаты зарплат, которые обострили социальную напряженность... Это было смутное время, «игры» без правил...» [5, с. 128–129]. Оценивая деятельность РФЯЦ-ВНИИТФ, А.Н. Щербина (инженер-исследователь,

специалист в области создания измерительных средств для изучения быстропротекающих процессов) акцентирует внимание на том, что «конверсионные работы развивались, а вернее прививались весьма болезненно» [14, с. 150].

Однако, говоря словами С.А. Ушакина, «травмы и утраты не только забирают жизни, здоровье, силы, но и генерируют какие-то новые отношения, нарративы, сообщества» [13, с. 457]. К концу 1990-х годов на территории атомных ЗАТО мы наблюдаем то, что можно охарактеризовать как оптимизацию негативного опыта прошлого. Осознание и принятие потерь и изменившихся условий жизни и интеракции стали основанием для прокладывания дальнейшего пути. Нужно понимать, что если мы будем говорить о травматическом опыте, то это не ослабит нас, не окажет дезорганизующего воздействия, не сделает заложниками комплекса вины. Нужно лишь осознать, как говорить о таком опыте, выработать средства взаимодействия с «последствиями памяти о невысказанных страхах, передающихся через поколения» [6], что должно стать целью дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев А. ЗАТО не платят налогов [Электронный ресурс] // Российская газета. 2004. 12 марта. (№ 3427). URL: <https://rg.ru/2004/03/12/zato.html> (дата обращения: 15.09.2021).
2. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 2. С. 29–46.
3. Зубков К.И., Копылов В.М., Попов В.Г. Специфика социального развития и управления закрытым административно-территориальным образованием [Электронный ресурс]. URL: <http://chinovnik.uara.ru/ru/issue/2006/01/05/> (дата обращения: 15.09.2021).
4. Ковригина В.А. Проблемы социально-экономического развития закрытых административно-территориальных образований // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 230–234.
5. Кузнецов В.Н. Леонид Поляков: летопись жизни. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2018. 256 с.
6. Кукулин И. Историческая травма как культурное явление [Электронный ресурс] // Постнаука. URL: <https://postnauka.ru/faq/26580> (дата обращения: 15.09.2021).
7. Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 59–74.

8. Муниципальный архив Озерского городского округа. Ф. 3. Оп. 1. Д. 593.
9. Муниципальный архив Озерского городского округа. Ф. 3. Оп. 1. Д. 597.
10. Николаи Ф., Кобылин И. Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России // Логос. 2017. № 5. С. 115–136.
11. Тихонов В. Закрытые города в открытом обществе. М., 1996. 43 с.
12. Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: НЛЮ, 2009. 903 с.
13. Ушакин С.А. Все в моей академической жизни довольно случайно // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 453–471.
14. Щербина А.Н. Саров – Снежинск и далее... (немного истории о работе и учебе, коллегах и наставниках). Снежинск, 2020. 328 с.
15. LaCapra D. Trauma Studies: Its Critics and Vicissitudes // History in Transit: Experience, Identity, Critical Theory. Ithaca: Cornell University Press, 2004. P. 106–143.
16. Mohatt N.V., Thompson A.B., Thai N.D., Tebes J.K. Historical trauma as public narrative: a conceptual review of how history impacts present-day health [Electronic recourse] // Social science & medicine. 2014. 106. P. 128–136. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0277953614000707?via%3Dihub> (дата обращения: 15.09.2021).
17. Tikhonov V. Russia's Nuclear and Missile Complex. The Human Factor in Proliferation. Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001. 125 p.

REFERENCES:

1. Alexeev A. CATUs do not pay taxes [Electronic resource] // Russian newspaper. 2004. 12 March. (No. 3427). URL: <https://rg.ru/2004/03/12/zato.html> (date of access: 15.09.2021).
2. Baranova V.A., Dontsov A.I. Collective memories and cultural trauma of different generational groups // Social Psychology and society. 2019. Vol. 10, No. 2. P. 29–46.
3. Zubkov K.I., Kopylov V.M., Popov V.G. Specificity of social development and management of a closed administrative-territorial formation [Electronic resource]. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2006/01/05/> (date of access: 09/15/2021).
4. Kovrigina V.A. Problems of socio-economic development of closed administrative-territorial entities // Priority scientific directions: from theory to practice. 2016. No. 23. P. 230–234.
5. Kuznetsov V.N. Leonid Polyakov: a chronicle of life. Yekaterinburg: Bank of cultural information, 2018. 256 p.
6. Kukulini I. Historical trauma as a cultural phenomenon [Electronic resource] // Postnauka. URL: <https://postnauka.ru/faq/26580> (date of access: 15.09.2021).
7. Moroz O., Suverina E. Trauma studies: history, representation, witness // New literary review. 2014. No. 1. P. 59–74.
8. Municipal archive of the Ozersk urban district. F. 3. Op. 1. D. 593.
9. Municipal archive of the Ozersk urban district. F. 3. Op. 1. D. 597.
10. Nikolai F., Kobylin I. American trauma studies and the limits of their transitivity in Russia // Logos. 2017. No. 5. P. 115–136.
11. Tikhonov V. Closed cities in an open society. M., 1996. 43 p.
12. Trauma: points: collection of articles / comp. by S. Ushakin, E. Trubina. M.: NLO, 2009. 903 p.
13. Ushakin S.A. Everything in my academic life is quite accidental // Historical examination. 2018. No. 4 (17). P. 453–471.
14. Shcherbina A.N. Sarov – Snezhinsk and beyond... (a little history about work and study, colleagues and mentors). Snezhinsk, 2020. 328 p.
15. LaCapra D. Trauma Studies: Its Critics and Vicissitudes // History in Transit: Experience, Identity, Critical Theory. Ithaca: Cornell University Press, 2004. P. 106–143.

16. Mohatt N.V., Thompson A.B., Thai N.D., Tebes J.K. Historical trauma as public narrative: a conceptual review of how history impacts present-day health [Electronic resuors] // Social science & medicine. 2014. 106. P. 128-136. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0277953614000707?via%3Dihub> (access date: 15.09.2021).

17. Tikhonov V. Russia's Nuclear and Missile Complex. The Human Factor in Proliferation. Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001. 125 p.